

**Диалог
с директором
Государственного
Эрмитажа,
членом Политсовета
движения
«Наш дом — Россия»
Михаилом
ПИОТРОВСКИМ**

— Когда в нашей стране начались перемены, то всем показалось, что культура наконец-то окажется вне политики, идеологии. Но, оказалось, это не так, — говорит Михаил Пиотровский. — Даже если отбрасывать от политики, отказываясь от участия в ней, эти формы протеста превращаются опять же... в политику. Мне претят разговоры наших деятелей науки и культуры о том, что, вступая в тот или иной блок, партию или движение, они якобы шли туда лишь за тем, чтобы получить деньги для возглавляемых ими учреждений, а потом благополучно перейти под новые знамена. Увы, и в НДР многие приходили лишь за этим, в Петербурге примеры тому есть яркие. Мое же участие в создании НДР — это жест в какой-то мере и политический. Если бы не НДР, на прошлых думских выборах победа КП РФ была бы куда более значительной. Но, кроме того, это был еще и жест в поддержку тогдашнего Правительства Виктора Черномырдина, который, кстати, оказался единственным из первых лиц страны, кто дважды приходил в Эрмитаж. Причем однажды для того, чтобы специально ознакомиться с выставкой «Неведомые шедевры». Виктор Степанович — единственный из русских политиков, кто знает, что такое трофейное искусство, не понаслышке.

Я по сей день член Политсовета НДР, а когда со мной заводят разговоры об «Отечестве» или еще какой-то партии, я всегда говорю: перебежать никогда и никуда не стану...

— Но разве ваше близкое знакомство с политиками самого высокого уровня не помогало Эрмитажу?

— Добрые личные отношения с нашими политиками, поверьте, никогда никакой пользы Эрмитажу не принесли. Однажды, помню, случайно встретились с заместителем главы администрации Президента, он спросил меня: «Что надо подписать?» И искренне удивился, когда узнал, что у меня нет никакого прошения. Уверен, если и потребуются решить какой-либо вопрос, Эрмитажу не откажут и в обычном порядке, хотя, конечно, проблемы есть. Например, не можем до сих пор добиться денег на фондохранилище. Но зато мы вернули себе отдельную строку в госбюджете, и весь нынешний год финансирование Эрмитажа впервые шло на сто процентов, хотя деньги совсем не те. И все же во всем этом видится особое отношение Правительства к Эрмитажу.

— А как, по-вашему, сегодня относятся к Эрмитажу приходящие сюда люди? Он для них музей или символ Российской империи?

— Музей всегда жил жизнью дворца. У нас, уверен, сохранился дух этой жизни. Лувр, например, давно перестал быть дворцом из-за перестроек и реконструкций. В Зимнем же дворце все сохранилось так, как было. Если посчитать символами имперской России Кремль и Зимний дворец, то лучше бы наша история развивалась со взглядом на Зимний дворец, нежели на Кремль. Но она все равно будет развиваться со взглядом на имперскую Россию. Ностальгия по имперскому прошлому для России вполне естественна...

— Михаил Борисович, хотелось бы услышать о том, как и почему, на ваш взгляд, может быть заинтересовано общество в помощи музеям и культуре вообще?

— Содержание учреждений культуры — одна из важнейших обязанностей общества. В государствах тоталитарных ее берет на себя само государство, которое собирает налоги. В государствах плюралистического типа это осуществляется за счет денег, которые общество через индивидуальных или корпорации дает на учреждения культуры. Это два полюса, между ними все и существует. Говоря философски, вложения людей в культуру есть форма участия общества в раз-

витии культуры. У одних людей такое в крови, они получают от этого удовольствие. Другие, как настоящие бизнесмены, понимают, что на самом деле этот капитал вложен в следующие поколения. Речь не об альтруизме, а нормальной попытке создать вокруг себя основательный задел для экономического развития на будущее. Вот что такое вложения в культуру.

По другому счету культура сама есть мощный экономический организм. Это сфера, которая может вытягивать экономику страны в непростой период. Вспомним, что такие города, как Глазго, Бильбао, Балтимор, когда оказались

в кризисе. Но главное, они приобщаются к высшей части общества, ведь во всем мире музеи — элита общества. Потому для фирмы или частного лица быть причастным к Эрмитажу — важный и неоценимый момент. И известные люди планеты, крупнейшие фирмы это понимают. Если говорить о компаниях, то они, становясь членами клуба Эрмитажа, получают возможность не просто посетить Эрмитаж, но и присутствовать на определенных церемониях и событиях — тем самым попадают в узкий и престижный круг. То есть одновременно существует большая отдача, которую получает общество в целом, и конкретный интерес фирмы, который оговаривается в каждом соглашении.

В Германии, если банк дает деньги на организацию выставки в музее, который он фактически сам содержит, все доходы от выставки возвращают-

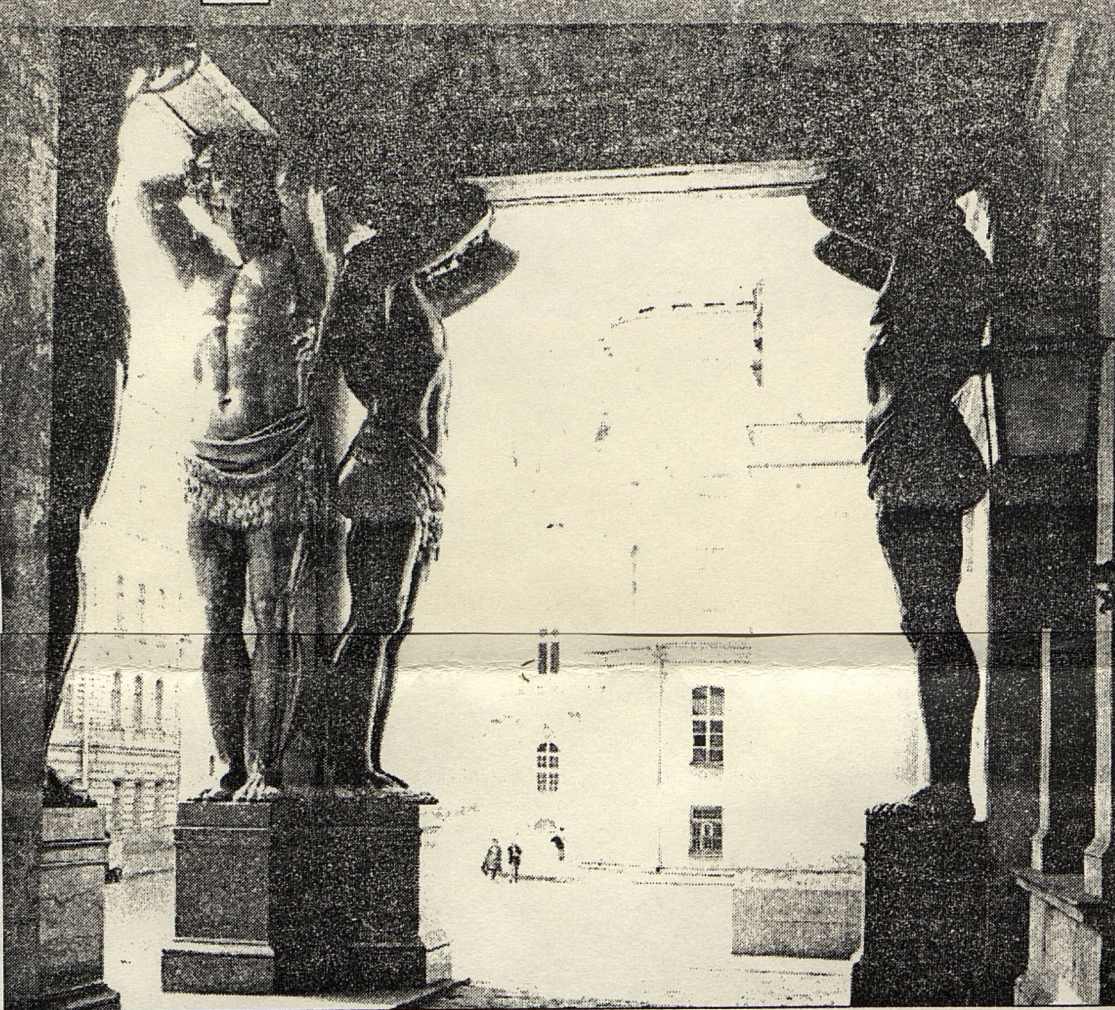
становится понятно, что ничего не получится.

— Какова заинтересованность фирм-подрядчиков, которые производят работы в Эрмитаже, насколько им выгодно здесь работать?

— Для всякой фирмы, которая велла работы в Эрмитаже, это не только честь, но и большие деньги в будущем, потому что эти фирмы производят или собираются впоследствии производить аналогичные работы в других крупных музейных комплексах мира. Были случаи, когда очень серьезные фирмы с нашими рекомендациями получали заказы в крупнейших музеях.

Работая с нами, фирмы в конечном счете не остаются внакладе. Кроме того, здесь в любом случае деньги не пропадают, они материализуются в видимый результат. Поэтому некоторые из фирм, которые у нас работают,

Эрмитаж

ненужными их заводы и корабли, вложили громадные деньги в развитие своей культурной инфраструктуры, обеспечив не просто туристскую, а высококультурную среду: фестивали, галереи, музеи, театры. Все это привлекает людей, оживляет жизнь города, люди тратят деньги на культуру, появляются рабочие места. Так город вновь становится значимым центром.

— Как складываются взаимоотношения Эрмитажа с фирмами-спонсорами?

— В том, что делается сейчас в Эрмитаже, есть большое экономическое значение. Дело не в том, что нам помогают, скажем, добрые или хорошие люди, а в том, что они знают, что поддержать культуру необходимо по определению. Так же, как этические нормы человечество выработало для того, чтобы продолжать существовать.

Начиная работать в Петербурге, крупные корпорации понимают: чтобы жить в нормальном обществе, нужно этому обществу сделать какой-то взнос. Кроме того, чтобы платить людям, нужно влиться в это общество. И это сложнее, чем просто что-то дать и получить.

В свою очередь, что получают такие фирмы, вкладывая деньги в Эрмитаж? Как минимум хорошую рекламу (хотя многие в рекламе не нуждаются), потому что работа в Эрмитаже означает высокое признание их в об-

ся в этот банк. И если есть превышение над запланированными доходами, только тогда эти деньги по отдельному решению остаются в музее. Такие формы взаимоотношений активно развиты в США и Канаде.

Мы тоже пытаемся насаждать выгодные и престижные отношения компаниям. Но инвесторов как таковых у нас нет, наш инвестор — государство. У нас есть меценаты. Это взаимовыгодная связь общества и людей через индивидуальную инициативу. В принципе это должно совмещаться с государственными интересами.

— Мы только что вместе с вами побывали в замечательной реставрационной мастерской темперной живописи, которая не может не поражать любого стороннего посетителя: поистине рай для работы художников-реставраторов. Чего только стоит одно оборудование! Создана она на спонсорскую помощь фирмы «Кока-Кола». Как начинаются и по какой схеме складываются у Эрмитажа экономические отношения с международными партнерами, общественными и коммерческими структурами?

— О, это целая наука, и мы овладели ею не сразу! Конечно, никто не приходит и не кладет на стол деньги. Это процесс очень долгих переговоров, который начинается с общения, обмена информацией и т. д. И появление у нас мастерской, которой вы восхищаетесь, тоже результат сложнейшей работы. Бывают ситуации, когда это общение прекращается и

одновременно являются нашими спонсорами и выполняют какую-то часть работ бесплатно. Например, фирма, которая делала у нас противопожарную сигнализацию, 50 процентов своего оборудования предоставляет бесплатно.

— В рамках займа, составляющего 31 миллион долларов, Правительство России предоставило один миллион долларов в виде гранта на развитие учреждений культуры. Обладателями грантов на общую сумму более 500 тысяч долларов стали четыре учреждения культуры Петербурга. Среди них и Эрмитаж. Куда пойдут эти деньги?

— С помощью гранта мы планируем выпустить путеводитель по музею на пяти языках тиражом 50 тысяч экземпляров. Доходы от продажи первого издания будут пущены на следующие переиздания этого путеводителя.

— Михаил Борисович, свидетельствую о присуждении этого гранта вам вручили в Смольном. Как городские власти помогают сегодня Эрмитажу?

— Эрмитаж — федеральное учреждение, фактически город не обязан нас содержать. Власти Петербурга и без того много тратят на культуру — на берегах Невы громадное количество памятников и учреждений культуры. Именно поэтому мы очень осторожны в том, чтобы просить из городского бюджета какие-то деньги, и обращаемся к администрации лишь в крайнем случае.

НАР

Другое дело — выполнение конкретных задач. Например, расходы по дорогостоящему освещению Эрмитажа, которое подарила нам мэрия Лиона, целиком взяло на себя предприятие «Ленсвет». Администрация выделила деньги из своего бюджета и вымостила гранитом набережную у Эрмитажа.

Наши отношения с городом можно было бы назвать взаимовыгодными — мы нужны друг другу. Мы делали свои подсчеты, сколько денег приносит городу Эрмитаж. Ведь в течение года наш музей посещают 350 тысяч иностранцев, причем многие из них приезжают к нам только ради Эрмитажа. А каждый иностранец оставляет в городе не менее 300 долларов. Даже самый простой и довольно условный подсчет дает цифру не менее 100 миллионов долларов — и это только минимальная часть доходов, которые приносит городу его культурная привлекательность.

— И первый шаг вы уже сделали. Сегодня Эрмитаж обживает восточное крыло здания Главного штаба, где уже открыта для посетителей выставка «Французское искусство XX века»...

— Это действительно первый шаг, и, я уверен, мы со временем создадим на Дворцовой огромный музейный комплекс. Но это работа не одного года. Помещения, которые мы начали обживать, нуждаются в серьезном ремонте. Мы думаем создать в полученном здании современный музей с выставочными залами, лекторием, кинозалом, магазином, кафе. Уже разрабатывается проект, идут поиски источников финансирования.

— Когда один мой коллега поинтересовался у вас о не умирающем до сих пор слухе о пропавшем сервизе, вы пошутили: пресс-служба Эрмитажа должна была бы его предупредить, что вы не даете интервью тому, кто не знает ответа на этот вопрос. Ответ на него я знаю, мне его еще много лет тому назад дал ваш отец. А вот вы тогда к этому слуху как относились?

— В ту пору я занимался тем, что собирал самые разнообразные версии живой истории и всячески утешал переживавшего из-за этих слухов отца, говоря ему: в 80 процентах слухов он выглядит совсем неплохо — снял, мол, трубку, позвонил в Москву и... повлиял на судьбу Романова.

— Кстати, в Эрмитаже любят вспоминать еще одну историю, связанную с этой фамилией. Однажды якобы экскурсовод спросил: «А правда ли, что в Зимнем дворце Романов устраивал свадьбы своей дочери?» — «Это вполне могло бы быть, он же здесь жил...» — ответила экскурсовод. — «Неужели!» — воскликнула изумленная экскурсанта...

— Что касается анекдотов, то я их не люблю и не знаю, а вот курьезные вещи случаются, и не без помощи журналистов. Во время визита королевы Великобритании одна солидная газета сообщила, что в честь Ее Величества в Эрмитаже был дан обед, а гости ели из якобы знаменитого сервиза «Зеленая лягушка». Пришлось разъяснять корреспонденту, что сервиз был выставлен на столе лишь для обозрения. Газета извинилась, но зато другая написала, что Пиотровский дал в связи с той публикацией разъяснения: лягушек в Эрмитаже не ели...

— Михаил Борисович, в давнейшей беседе с вашим отцом я задал Борису Борисовичу вопрос о том, легко ли быть директором Государственного Эрмитажа и как складывается его рабочий день, как совмещается им научная работа и директорство. Помню, тогда, как и сейчас, на разные голоса зазвонили часы и Борис Борисович посетовал, что времени катастрофически не хватает... А вам?

— Наверное, еще больше, поскольку время сейчас несколько иное. Чем только не приходится заниматься! Одна четверть времени уходит на поиск финансов, вторая — на организационную работу, третья — на музейную, на выставки, четвертая — на научную. У меня же пять начатых книг: о мусульманском искусстве, пророке Мухаммеде, Химаритском царстве, наскальных надписях бедуинов Аравии...

— А личная жизнь?

— Это музей. Правда, все же времени чуть-чуть остается...

Беседу вел
Сергей АЛЕХИН.

Санкт-Петербург.

Be. N. N. N. - 1999 - 15.000.000 - 111